

ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 391(=512.141):391(=512.143):391(=511.151):391(=511.131)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.215-229

РУБАХИ ИЗ ПЕСТРЯДИ С ЭЛЕМЕНТАМИ ВЫБОРНОГО ТКАЧЕСТВА У НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (история формирования традиций)

Е.Е. Нечвалода

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа, 450077, Россия*

Аннотация

Некоторые варианты использования выборного ткачества в декоре женских рубах получили широкое распространение в конце XIX – начале XX в. у ряда народов Волго-Уральского региона и являются традициями, сформировавшимися в результате межэтнических взаимодействий. Цель настоящего исследования – определение временного периода и территории формирования этих традиций, а также этнической среды, породившей их. В ходе исследования установлено, что в декоре рубах народов Волго-Уральского региона существовало две основных традиции использования элементов выборного ткачества, различающихся по времени и территории формирования. Первая – украшение подола пестрядиной рубахи лентой выборного тканья – оформилась не позднее середины XVII в. в культуре татар Поволжья, от которых затем была заимствована северными группами башкир, южными удмуртами и восточными марийцами. Вторая традиция – равномерное распределение розеток выборного ткачества по поверхности рубахи; она сложилась не ранее середины XIX в. в зоне татаро-башкирского взаимодействия в северо-западной части Уфимской губернии и на примыкающих к ней территориях Казанской и Пермской губерний. Южные удмурты и восточные марийцы заимствовали эту традицию в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: традиционная одежда, женские рубахи, пестрядь, выборное ткачество, народы Волго-Уральского региона, межэтническое взаимодействие, истоки традиций

В этнографической литературе использование выборного ткачества в качестве декора женских рубах у народов Волго-Уральского региона до настоящего времени рассматривалось в рамках исследований традиционного костюма того или иного этноса. Не существовало единой картины, позволяющей выделить в способах орнаментации женских рубах, выполненной в данной технике, различные

по времени происхождения и по ареалу бытования традиции, присутствовавшие в культуре ряда этнографических, этнотерриториальных, этноконфессиональных групп региона в качестве общих для них элементов и получившие распространение благодаря межэтническим взаимодействиям в регионе.

Обратиться к данной теме нас побудила работа с материалами полевых дневниковых записей учителя, крупнейшего этнографа, этнолога, создателя этнологической школы в Башкортостане Раиля Гумеровича Кузеева [1]. В дневнике № 2 экспедиции 1959 г. Р.Г. Кузеев подробно описал крой и декор башкирской рубахи-платья (с. Шокурово Свердловской обл.). Это платье имело стан из домотканого полотна, соборенный подол и оборку на талии, а также рукава из узорного домашнего полотна: «На рукавах орнамент мелкий, геометрический, разных цветов. Не очень густо и не очень редко они располагались (2 см расстояние)». Между станом и подолом – «полоса тканого, орнаментирован[ного] пояса – наз[ывается] *кәүдә*» [1, с. 104–105]. Данное платье, сшитое из домотканины и украшенное вытканым орнаментом, представляет в костюме северо-восточных башкир старинный тип, который в XX в. был постепенно вытеснен новой модой на одежду из однотонных фабричных тканей, вышитую тамбуром.

Работая с информаторами, описывая предметы традиционной культуры или производственные процессы, Р.Г. Кузеев был всегда внимателен к деталям. В описании башкирского платья из Свердловской области он упоминает элемент, название которого нечасто приводят в публикациях, но который является весьма важной деталью для уточнения истории формирования определенной традиции в одежде народов региона. Этим элементом является полоса узорного ткачества, записанная Р.Г. Кузеевым под названием *кәүдә*, которая вшивалась между станом и сборчатым подолом. Присутствие на платьях северо-восточных башкир пояса тканого орнамента, расположенного по нижнему краю стана, отмечал и Н.В. Бикбулатов: «Бордюры из тканых фигур обрамляли подол женского платья... В Приуралье, в верховьях реки Уфы, браный орнамент украшал весь подол женского платья, а к краю подола пришивалась оборка из покупной ткани...» [2, с. 55]. Этот элемент декоративной отделки упоминает и С.Н. Шитова: «На тканых платьях крайнего северо-востока полоса браного орнамента располагалась на подоле повыше пришитой оборки» [3, с. 285].

В приведенных выше фрагментах Н.В. Бикбулатов и С.Н. Шитова описывают данный элемент как полосу «браного орнамента», но как «бранные» в их текстах нередко упоминаются и узоры выборного ткачества, потому что выборное – лишь разновидность техники браного ткачества. Отмеченное в записях Р.Г. Кузеева бытование у башкир Свердловской области женских платьев из домотканого полотна с узорами выборного ткачества упоминает также С.Н. Кучевасова [4, с. 64], описывая эту особенность как общую для местных татар и башкир. Платья, украшенные выткаными разноцветными розетками, были распространены в прошлом не только у северо-восточных, но и у северо-западных башкир, однако узорный пояс, вшитый между оборкой и станом, для последних был нехарактерен.

Полными аналогами башкирского платья из с. Шокурово Свердловской области, описанного Р.Г. Кузеевым, являлись старинные рубахи-платья татар, проживающих в Пермском крае (в Сылвенско-Иренском поречье), имевшие такую же конструкцию, декор и подобное сочетание домашних и фабричных тканей;

между станом и соборенным подолом они тоже имели вшитую узорную ленту, украшенную розетками выборного ткачества [5, с. 100, 102–105] (см. рис. 1, *а*). Характерные, важнейшие черты декоративного убранства описанного Р.Г. Кузеевым «шокуровского» башкирского платья (розетки выборного ткачества, рассеянные по поверхности, и вытканная декоративная тесьма по краю подола) в комплексе присутствуют на рубахах только у них. Поэтому осуществлять дальнейший сравнительный анализ домотканых женских рубах с элементами выборного ткачества у народов региона целесообразно разделяя по основным его признакам:

1) пестрядинные платья со вшивным узорным пояском выборного ткачества между станом и оборкой;

2) пестрядинные платья, украшенные рассеянными по поверхности розетками выборного ткачества.

Платья из пестряди с узорным пояском между станом и подолом были выделены С.В. Сусловой и Р.Г. Мухамедовой как отдельный вариант декоративного убранства женской плечевой одежды туникообразного кроя у татар, который был ими описан следующим образом: «Рубахи украшались лишь узкой, узорно сотканной тесьмой, которая вшивалась в подол рубахи на месте стыка остова и нижнего волана. Такие рубахи были распространены у всех групп кряшен, в том числе и у нагайбаков» [6, с. 94] (см. рис. 1, *б*). Рубахи из пестряди подобного же кроя с декоративным пояском по низу стана были распространены и у южных удмуртов: «В праздничных образцах на стыке основной части рубахи и оборки вшивали отдельно изготовленную декоративную полосу, заполненную вытканными в выборной технике орнаментальными фигурами разных цветов» [7, с. 58–59]. И.А. Косарева подробно описала декор и цветовое решение этих орнаментированных лент по низу стана и опубликовала большое количество их образцов [7, с. 60, ф. 40, 41, 43, 46–75] (см. рис. 1, *в*). Ранее удмуртские женские рубахи подобного типа были описаны в монографиях В.Н. Белицер, С.Х. Лебедевой, в которых также были опубликованы (но в небольшом количестве) фотографии [8, с. 40–41, рис. 13; 9, с. 83, 94–96, 174, ф. 90в, 92, 201]. Пестрядинные рубахи с узорным пояском по низу подола бытовали и у прикамских марийцев [10, с. 310–311].

Для уральских марийцев (проживающих на территории Пермского края и Свердловской области) и красноуфимских удмуртов, ассимилированных в их среде, туникообразного кроя рубаха из пестряди с пришитым соборенным подолом из фабричной ткани и вшитым между станом и подолом узорным пояском (рис. 1, *г*) в XX в. была основным, наиболее распространенным типом. Как и у других народов Волго-Уральского региона, эта декоративная полоска выборного ткачества у марийцев была полихромна, розетки разных цветов чередовались в горизонтальном ряду (рис. 2, *а–е*). Тесьму выборного ткачества на платье марийцы называли *чоп, чеп* («цепь») (см. [11, с. 84], а также (ПМН 2002, 2006)). Для ее изготовления изначально ткали заготовку в виде отреза пестрядинного холста с несколькими (не менее 4 шт.) горизонтальными полосами выборного орнамента с идентичным узором, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга (рис. 2, *ж*). Затем этот лоскут разрезался между узорными полями, полученные при этом отдельные фрагменты сшивались между собой (торец к торцу), образуя декоративную тесьму (ПМН 2002, 2006). Подобные заготовки у красноуфимских

а

б

в

г

Рис. 1. Рубаха татар Сылвенско-Иренского поречья Пермского края с полосками выборного ткачества по низу стана (а) [5, с. 102, 105]. Пестрядинные женские рубахи с полоской выборного ткачества по низу стана: б – нагайбаки (Миасский городской краеведческий музей, ОФ 5002); в – южные удмурты [7, с. 56, ф. 40]; г – уральские марийцы (ПМН 2006)

а

б

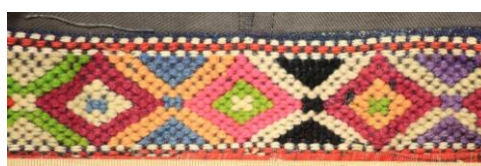
в

г

д

е

ж

з

Рис. 2. Образцы орнамента выборного ткачества, украшавшего подола рубах: *а, б* – татарских [5, с. 44, 46], *в, г* – марийских (ПМН 2006), *д* – удмуртских [7, с. 68], *е* – нагайбакских (Миасский городской краеведческий музей, ОФ 5002). Тканые заготовки для украшения подола рубах узорами выборного тканья: *ж* – марийская (ПМН 2006), *з* – удмуртская [7, с. 70]

*а**б**в**г*

Рис. 3. Башкирка в рубашке, украшенной в технике выборного ткачества с узорной полоской по низу стана (*а*) (<https://www.pinterest.ru/pin/640848221975690656/>). Рубахи, украшенные розетками выборного ткачества: башкирская (*б*) (Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН (МАЭ), ОФ 503-5); марийская (*в*) (МАЭ, ОФ 855-5); удмуртская (*г*) (МАЭ, ОФ 906-28)

марийцев еще и сейчас можно встретить в ходе полевых исследований. Аналогичные заготовки использовали и южные удмурты для вытканых узорных лент (рис. 2, з), украшавших стан их женских пестрядинных рубах. Образцы таких лент опубликованы И.А. Косаревой [7, с. 70–72, рис. 76–80]. Судя по крою женских рубах проживающих в Сылвенско-Иренском поречье татар Пермского края [5, с. 102], на которых полоса выборного ткачества по низу остова также состоит из равных фрагментов, совпадающих по длине с шириной центрального полотнища рубахи, можно предположить, что принцип подготовки этих декоративных вставок у них был схож с описанным выше.

Таким образом, украшение нижнего края стана домотканой пестрядинной рубахи отдельно изготовленным узорным пояском выборного ткачества, вшиваемым между станом и соборенным подолом-оборкой, отмеченное Р.Г. Кузеевым при описании башкирского платья, составляет определенную традицию, которая была известна и тюркским (крещеным татарам и северо-восточным башкирам), и находящимся с ними в контакте финно-угорским народам региона (южным удмуртам, прикамским и уральским марийцам), а ее ареал в начале XX в. охватывал обширные территории от левобережья р. Волги (на западе) до Зауралья (на востоке): преимущественно восточную часть Казанской губернии, юго-восток Вятской, юг Пермской губернии и граничащую с нею северо-восточную часть Уфимской губернии.

Истоки этой традиции, вероятно, связаны с принципами декоративного оформления рубах, сложившимися еще в ту эпоху, когда вся одежда изготавливалась из белого холста. На старинных холщовых рубахах у народов Волго-Уральского региона нижний край подола украшался полосой вышитого или вытканного орнамента, который композиционно завершал декоративное оформление рубахи. Вероятно, при переходе от рубах из белого холста к пестрядинным эта традиция размещать по нижнему краю остова декоративную узорную ленту сохранилась, но трансформировалась. К тому же эволюция кроя рубах изменила ее расположение и роль в общей композиции изделия: она по-прежнему проходила по краю остова, но уже не обрамляла рубаху снизу, так как к стану стали пришивать подол-оборку, а разделяла эти элементы конструкции.

Декорирование полотна «шокуровской» рубахи, описанной Р.Г. Кузеевым, розетками выборного ткачества также имеет свой круг аналогий и составляет в одежде народов региона определенную традицию. Однако ареал, в котором она фиксируется, не так широк. Рубахи-платья из домотканого узорного полотна, украшенные розетками выборного ткачества, в конце XIX – начале XX в. были популярны на северо-западе Уфимской губернии и на прилегающих с запада и севера территориях, присутствуя в костюме татар, башкир, закамских удмуртов, прибельских и икско-сюньских марийцев [6, с. 286; 7, с. 57, ф. 42; 9, с. 133, ф. 150; 10, с. 299; 12, с. 192; 13, с. 138; 14, с. 162; 15, с. 120–121, ф. 50]. У башкир предметы одежды, украшенные розетками выборного ткачества, имели в названии слово *сүптәрле* от *сүптәрләү* – «браное (выборное) ткачество» [2, с. 252] (см. рис. 3, а, б). У татар домотканые рубахи-платья с декором в виде рассеянных по всему полю вытканых розеток назывались *чуптарлы күлмәк* [6, с. 286], закамские удмурты их называли *четарь дэрем* [9, с. 133; 12, с. 192], а восточные марийцы – *нӧлтӱшан тувыр* [14, с. 162]. Крой этих удмуртских и марийских

женских рубах практически повторяет принятое у татар и башкир, проживающих на этой территории, конструктивное решение: туникообразный стан, пришивной соборенный подол и оборка на уровне талии (см. рис. 3, в, з). Упомянутые рубахи-платья также имели и свои особенности цветового решения. У полотна, использовавшегося для их пошива, фон был насыщенного цвета – красный, черный, желтый, оранжевый; нередко основой – фоном рисунка – служила пестрядь. Розетки выборного ткачества, которые равномерно распределялись по поверхности полотна, отличались ярким многоцветием: на ткани чередовались желтые, зеленые, голубые, розовые, сиреневые, серые медальончики. Рубахи, пошитые из такого узорного полотна, были весьма нарядны.

Своя, отличная от вышеописанной традиция декорировать женские рубахи вытканными розетками существовала в чувашской среде. У низовых чувашей, проживавших в Заволжье (в Белебеевском уезде Уфимской губернии и примыкавших к нему с запада уездах Казанской и Самарской губерний), в XIX в. была распространена «яблочная» рубаха (*олмалӑ кӑне*) – туникообразная, из белого холста, украшавшаяся вдоль соединительных швов центрального и боковых полотнищ вереницей небольших розеток красного или коричнево-красного цвета [16, с. 153], исполненных в технике выборного ткачества (*сӗклев тӗрри* – [16, с. 159], *сӗкленӗ тӗрӗ* [17, с. 391]). Чувашские рубахи с вытканными розетками самобытны и отличаются от получивших распространение у проживавших чуть севернее татар, башкир, удмуртов и марийцев и по крою, и по цветовому решению, и по расположению розеток. Примечательно, что у чувашей эти белые холщовые рубахи в конце XIX – начале XX в. были заменены пестрядинными, но без узоров выборного ткачества. Это говорит о том, что рассмотренная выше традиция покрывать пестрядь для платья разноцветными вытканными узорами не проникла в чувашские обычаи украшения женских рубах, хотя выборное ткачество они использовали для орнаментации других предметов одежды (мужских штанов, женских передников и концовок головных полотенец). А приуральские чуваше, несмотря на то что находились в непосредственном соседстве с носителями рассмотренной традиции, не восприняли этот культурный импульс.

Обозначив принадлежность характеристик описанной Р.Г. Кузеевым «шокуровской» рубахи традициям, получившим распространение среди двух тюркских и двух финно-угорских народов Волго-Уральского региона, далее постараемся осветить вопрос, касающийся формирования этих традиций. Каждая из них (и украшение полотна розетками выборного ткачества, и узорный пояс по низу стана) проявлялась только там, где в качестве материала для пошива рубахи использовали пестрядь. Потому вопрос о распространении этих традиций в украшении женских рубах увязывается с вопросом о начале использования народами Волго-Уральского региона для пошива одежды пестрядинного полотна. Ареал той или иной традиции в культуре каждого народа определен историей ее формирования. Е.А. Ягафова отмечала, что у самарских чувашей «пестрядь была распространена в местах совместного проживания с татарами, и, наоборот, ее не знали группы чувашей, контактировавшие преимущественно с русскими и мордвой» [16, с. 163]. Замена белой холщовой рубахи пестрядинной у приуральских чувашей также рассматривается как результат позднего заимствования [18, с. 104]. В свою очередь, распространение одежды из пестряди и узорного полотна среди южных групп

удмуртов и восточных марийцев, находившихся под влиянием тюркоязычных соседей, с очевидностью указывает на источник этой новации в их культуре.

Об этнической среде, в которой оформилась традиция пошива одежды из пестряди, красноречиво свидетельствует терминология. Как отмечала И.А. Косарева, «само удмуртское название пестряди *алача*, характерное для южных говоров удмуртского языка, является заимствованием из татарского языка (*ала тат.* “пестряя”)» [7, с. 46]. У марийцев пестрядь имела то же название *олача* ((ПМН 2002, 2006), а также [19, с. 184; 10, с. 299]), а у чувашей – *улача* [20, с. 57; 17, с. 392]. Закамские удмурты клетчатые пестряди «именовали *шакмако* [от татарского “*шакмак*”, “*шакмакла*” – клетчатый]» [12, с. 55; 9, с. 133], а «полосатые пестряди *буй* [от татарского “*буй*” – полоса, полоска]» [12, с. 60]. Марийцы и чувашаи называли клетчатые пестряди *шакмак* [10, с. 300; 20, с. 57]. Несмотря на мнение авторитетнейшего этнографа, специалиста по одежде народов Поволжья Н.И. Гаген-Торн, о независимом распространении пестряди у разных народов региона, вызванном появлением анилиновых красителей и практичностью пестрядиной одежды [21, с. 25], современные этнографы склонны считать, что решающим фактором в распространении этой традиции среди финно-угорских народов региона являлось культурное влияние тюркоязычных соседей (татар и башкир) [7, с. 46; 19, с. 199]. Рубахи из пестряди среди удмуртов и марийцев распространяются лишь в конце XIX в. [10, с. 299; 12, с. 49], а в костюме уральских марийцев они входят лишь в начале XX в.

А.В. Черных полагает, что не только распространение пестряди среди уральских марийцев, но и «активное появление в этот период полихромного браного и выборного ткачества следует рассматривать в контексте контактов с тюркскими народами Среднего Урала – татарами и башкирами» [19, с. 199]. У закамских удмуртов название розеток выборного ткачества (как и техники их выполнения) *чептарь* является воспроизведением их татарского названия *чуптар*, при том что исконное удмуртское название выборного ткачества *бичаса куиськон* [22, с. 73], *бичаны* [8, с. 109]. Как уже было отмечено выше, крой женских рубах из полотна с розетками выборного ткачества прибельских марийцев и закамских удмуртов повторял татарские и башкирские образцы. Еще В.Н. Белицер отмечала сходство женских рубах закамских удмуртов с рубахами соседнего татарского и башкирского населения, объясняя это сходство культурным влиянием тюркоязычных соседей [8, с. 41]. Нам остается только разделить это мнение. Как справедливо писал А.В. Черных, исследовавший одежду народов Пермского края и традиции ее отделки, «в полиэтничной территории с активными контактами татар, башкир, удмуртов и марийцев сформировалась определенная общность в особенностях узорного ткачества, кроя и оформления рубах» [12, с. 192].

Описанная выше традиция пошива рубахи из пестряди с вшивным узорным пояском между станом и подолом, очевидно, оформилась изначально внутри татарской культуры, так как у башкир она была зафиксирована лишь на периферии ареала их расселения, у финно-угорских народов, как уже говорилось, была явлением заимствованным, встречавшимся только на тех территориях, где влияние культуры их тюркских соседей проявлялось наиболее ощутимо, а у татар такая рубаха, бывшая характерной для всех групп кряшен и распространенной на значительной территории, представляла, вероятно, старинный и сохранный в одежде

крещеных татар вариант. Время появления в одежде татар пестрядинных платьев с вшивным узорным пояском по низу стана точно определить затруднительно, но верхнюю границу, не позднее которой произошло оформление основных характеристик подобных рубах, наметить возможно. Тип рубахи с пестрядинным станом и узорным вшитым пояском, общий для различных групп кряшен, предки нагайбаков могли усвоить только где-то на западе, в Поволжье, еще до того, как во второй половине XVII в. их переселили на левобережье р. Камы, на р. Ик, куда они должны были принести с собой сближающие их с другими группами кряшен традиции в одежде. В 1842 г. они унесут этот фасон рубахи в Зауралье. На основе таких рассуждений можно предположить, что рассматриваемый тип рубахи у татар Поволжья уже существовал в середине XVII в. (а сформировался, вероятно, раньше). Кряшены, несколько «обособленные» от остальных групп татар, дольше сохраняли старинные формы в одежде, и подобные рубахи в частности. Не утратили обычкновения украшать пестрядинную рубаху по низу стана узорным пояском выборного ткачества и пермские татары, в традиционном костюме которых «сохранились те реликтовые формы и элементы народной одежды, которые раньше вышли из употребления у самих татар» [23, с. 157]. Нижнюю границу временного интервала, когда оформились основные характеристики подобных рубах, определить, вероятно, уже невозможно.

Как было отмечено выше, ареал бытования рубах, украшенных розетками выборного ткачества, заметно уже, чем ареал пестрядинных рубах с узорным пояском по низу стана, что может свидетельствовать о более позднем их появлении. Платья с рассеянными по поверхности домашней ткани розетками выборного ткачества бытовали в конце XIX – начале XX в. в северо-западной части Уфимской губернии, однако на пестрядинных платьях нагайбаков, обитавших на этой территории до 1842 г., нет этих ярких декоративных элементов. Вероятно, женские рубахи из полотна с выборными розетками начали шить позднее, уже после переселения нагайбаков в Зауралье, то есть не раньше середины XIX в. Традиция шить женские рубахи из узорного полотна с розеточным декором, очевидно, оформилась на основе другой, существовавшей ранее традиции пошива и ношения пестрядинных рубах. Крещеные татары, южные удмурты, восточные марийцы, чуваша рубахи из пестряди носили в комплекте с фартуком, выполненным в технике выборного тканья. Этот прием ткачества первоначально использовали при производстве полотна для фартуков традиционного женского костюма, а со временем из домашнего полотна с розетками выборного тканья стали шить и праздничные женские рубахи. На территории северо-западной части Уфимской губернии и на прилегающих территориях прослеживается взаимодействие татарской и башкирской традиций в ткачестве, и возможно, что распространение «моды» на платья с розетками выборного тканья проходило под знаком этого процесса. Так, описывая характерный для ткачества татар Уфимской губернии, Бугульминского и Бугурусланского уездов Самарской губернии уральский комплекс, Ф.Ш. Сафина отмечала: «По многим параметрам этот комплекс, безусловно, испытал также влияние башкир. Это, к примеру, использование крашенины желтого и оранжевого цветов» [24, с. 186]. Необходимо отметить, что у платьев с розетками выборного ткачества, бытовавших в северо-западной части Уфимской губернии, цветом основы нередко был желтый.

Итак, женские пестрядинные рубахи, декорированные в технике выборного ткачества, в начале XX в. присутствовали в костюме татар, северной группы башкир, южных и закамских удмуртов, восточных марийцев. На основе различий в использовании элементов выборного ткачества в общей композиции декоративного убранства выделяются две традиции: в первой выполненные в этой технике узоры расположены полосой, вшиваемой между станом и подолом-оборкой, а во второй – они равномерно рассеяны по поверхности полотна, из которого шилась рубаха-платье. В каждой из названных традиций выборное ткачество, использовавшееся в качестве декора, сочеталось с пестрядью, выступавшей в роли материала-основы для рубахи-платья. Обозначенные традиции различны по времени формирования и, как следствие, по ареалу бытования.

Рубахи из пестряди с узорным пояском, вшиваемым между станом и подолом-оборкой, были известны татарам-кряшенам, нагайбакам, татарам Пермской губернии, северо-восточным башкирам, южным и краснотуркменским удмуртам, прикамским и уральским марийцам. Таким образом, ареал их бытования охватывал территорию от левобережья Волги до Зауралья. Оформилась пестрядинная рубаха с лентой выборного ткачества по низу стана как определенный тип не позднее середины XVII в. в культуре татар Поволжья. У башкир, удмуртов, марийцев рубахи такого типа являются заимствованными и входят в состав их костюмных комплексов значительно позже.

Рубахи, украшенные розетками выборного ткачества, рассеянными по поверхности полотна, бытовали в начале XX в. в северо-западной части Уфимской губернии и на прилегающих к ней с севера и запада территориях (в первую очередь в Пермской губернии) у татар, башкир, закамских удмуртов, прибельских и икско-сюньских марийцев. Ареал их бытования уже, чем у рубах с вшивным узорным пояском по низу стана. Они получают распространение не ранее середины XIX в. Формирование данного типа рубах протекало, вероятно, на фоне взаимодействия татарских и башкирских традиций в ткачестве, у удмуртов и марийцев он является заимствованным от тюркоязычных соседей. Ареалы двух рассмотренных типов частично перекрывали друг друга, на этих территориях две традиции использования выборного ткачества в убранстве рубах-платьев могли сочетаться, дополняя друг друга в общей композиции их декора (как у северо-восточных башкир и у татар Сылвенско-Иренского поречья).

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг. «Этнические культуры Южного Урала и Приуралья: диалог традиций и новаций».

Источники

ПМН – Полевые материалы Е.Е. Нечвалоды (2002, 2006 гг.) // Личный архив Е.Е. Нечвалоды.

Литература

1. Документы и материалы по истории и этнографии Южного Урала. Вып. 4: Полевые дневники Р.Г. Кузеева 1959–1975 гг. – Уфа: Диалог, 2021. – 355 с.

2. *Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. – 260 с.
3. *Шитова С.Н.* Женская одежда северных башкир // Археология и этнография Башкирии: Сб. ст. – Уфа: БФАН СССР, 1962. – Т. 1. – С. 283–301.
4. *Кучевасова С.Н.* Костюм татар и башкир Урала // Народное искусство Урала. Традиционный костюм: Сб. ст. – Екатеринбург: Баско, 2006. – С. 51–78.
5. *Черных А.В.* Традиционный костюм народов Пермского края. Татары и башкиры. – СПб.: Маматов, 2017. – 416 с.
6. *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Фэн, 2000. – 312 с.
7. *Косарева И.А.* Искусство узорного ткачества удмуртского народа. – Ижевск: Б. и., 2020. – 492 с.
8. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 142 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 10)
9. *Лебедева С.Х.* Удмуртская народная одежда. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 208 с.
10. *Молотова Т.Л.* Марийский костюм. – Йошкар-Ола: Респ. центр народ. творчества, 2020. – 384 с.
11. *Бобрин А.А.* Марийская народная одежда и вышивка // Народное искусство Урала. Традиционный костюм: Сб. ст. – Екатеринбург: Баско, 2006. – С. 79–110.
12. *Черных А.В.* Традиционный костюм народов Пермского края. Удмурты. – СПб.: Маматов, 2020. – 468 с.
13. *Шитова С.Н.* Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии: Сб. ст. – Уфа: Башк. акад. наук, 1968. – Т. 3. – С. 125–227.
14. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 247 с.
15. *Меджитова Э.Д.* Марийское народное искусство. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 272 с.
16. *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. – Самара: Поволжье, 1998. – 369 с.
17. *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм от древности до современности. – М.; Чебоксары; Оренбург: Газпромпечатать, 2002. – 400 с.
18. *Петров И.Г.* Традиционная рубаха (кёпе) чувашей Башкортостана: эволюция и современное бытование // Традиционная культура народов Урало-Поволжья в условиях модернизации общества: Сб. ст. – Уфа: Ин-т этнол. исслед. УНЦ РАН, 2011. – С. 84–108.
19. *Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И.* Марийцы Пермского края: Очерки истории и этнографии. – Пермь: ПНЦ РАН, 2013. – 530 с.
20. *Минеева В.А.* Чувашское узорное ткачество. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – 182 с.
21. *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 228 с.
22. *Лебедева С.Х.* Удмуртское ткачество // Узорное ткачество удмуртов (по экспедиционным материалам В.Н. Белицер) / Ред.-сост. Н.М. Собина, А.Ю. Юрпалов; науч. ред. А.Г. Загребин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – С. 71–74.
23. *Суслова С.В.* Татарский костюм: историко-этнологическое исследование. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2018. – 239 с.

24. Сафина Ф.Ш. Этнотерриториальные особенности ткачества // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования: Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Дом печати, 2002. – С. 177–186.

Поступила в редакцию
23.08.2021

Нечвалода Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
ул. К. Маркса, д. 6, г. Уфа, 450077, Россия
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 215–229

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.215-229

**Coarse Motley Shirts with the Elements of Discontinuous
Supplementary-Weft Weaving among the Peoples of the Volga-Urals Region
(On the History of Formation of the Traditions)**

E.E. Nechvaloda

*R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Ufa, 450077 Russia
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru*

Received August 23, 2021

Abstract

This research aims at specifying the territory and time of the establishment of traditions to decorate women's shirts with discontinuous supplementary-weft weaving among the peoples of the Volga-Urals region, as well as at identifying the ethnic environment in which these traditions had their roots. Certain ethnographic, ethnoreligious, and ethnoterritorial groups of the peoples in the region acquainted with the tradition under study and the territory of its emergence were analyzed using the historical comparative method and taking into account the history of migrations of these ethnic groups, their neighborhood environments, and major vectors of their interethnic interactions. The results obtained reveal that during the early 20th century women's shirts in the Volga-Urals region were made following two distinct traditions in using the elements of discontinuous supplementary-weft weaving as a decoration that differed over time and place of their formation. The earliest one is associated with decorating the coarse motley shirt along the lower edge with a sewn-in patterned ribbon made using the discontinuous supplementary-weft weaving technique. Among the Tatars of the Volga regions, this type of decoration appeared by the mid-17th century. In the Bashkir, Udmurt, and Mari costumes, such shirts were the borrowed element. Another tradition, to decorate shirts with supplementary-weft rosettes distributed evenly across the surface, became established no earlier than the mid-19th century within the area where the interactions between the Tatars and Bashkirs took place and where similar shirts were observed in the early 20th century among the Tatars, Bashkirs, Udmurts, and Maris, i.e. in the northwestern part of the Ufa Province and the adjacent northern and western territories. The results obtained can be used for further studies of traditional costumes of the peoples of the Volga-Urals region and their interethnic interactions.

Keywords: traditional costume, women's shirts, coarse motley shirts, discontinuous supplementary-weft weaving, peoples of Volga-Urals region, interethnic interaction, sources of traditions

Acknowledgements. The study was performed as part of state assignment no. AAAA-A21-121012290086-0 to R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences for 2021–2023 (“Ethnic cultures of the Southern Urals and Pre-Urals: Dialogue of traditions and innovations”).

Figure Captions

Fig. 1. Shirt of the Silvensko-Iren Tatars of the Perm Region decorated along the lower edge with bands made using discontinuous supplementary-weft weaving along the lower edge (*a*) [5, p. 102, 105]. Women’s coarse motley shirts with a band of discontinuous supplementary-weft weaving along the lower edge: *b* – Nağaybäks (Miass City Museum of Local Lore, Main Collection 5002); *c* – Southern Udmurts [7, p. 56, f. 40]; *d* – Ural Maris (the author’s field materials of 2006).

Fig. 2. Patterns of discontinuous supplementary-weft weaving used to decorate the tails of shirts: *a, b* – Tatars [5, p. 44, 46], *c, d* – Maris (the author’s field materials of 2006), *e* – Udmurts [7, p. 68], *f* – Nağaybäks (Miass City Museum of Local Lore, Main Collection 5002). Fabricated parts made using discontinuous supplementary-weft weaving for shirts: *g* – Maris (the author’s field materials of 2006), *h* – Udmurts [7, p. 70].

Fig. 3. Bashkir women wearing a shirt decorated in the discontinuous supplementary-weft weaving technique with a patterned band along the lower edge (*a*) (<https://www.pinterest.ru/pin/640848221975690656/>). Shirts with supplementary-weft rosettes: Bashkirs (*b*) (Museum of Archeology and Ethnography, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (MAE), Main Collection 503-5); Maris (*c*) (MAE, Main Collection 855-5); Udmurts (*d*) (MAE, Main Collection 906-28).

References

1. *Dokumenty i materialy po istorii i etnografii Yuzhnogo Urala* [Documents and Materials on the History and Ethnography of the Southern Urals]. Ufa, Dialog, 2021, no. 4: R.G. Kuzeev’s field diaries of 1959–1975. 355 p. (In Russian)
2. Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo bashkir* [Arts and Crafts of the Bashkirs]. Ufa, Bashk. Kn. Izd., 1964. 260 p. (In Russian)
3. Shitova S.N. Women’s clothing of the Northern Bashkirs. In: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, BFAN SSSR, 1962, vol. 1, pp. 283–301. (In Russian)
4. Kichevasova S.N. Tatar and Bashkir costume in the Urals. In: *Narodnoe iskusstvo Urala. Traditsionnyi kostyum* [Folk Art of the Urals. Traditional Costume: Collection of Articles]. Yekaterinburg, Basko, 2006, pp. 51–78. (In Russian)
5. Chernykh A.V. *Traditsionnyi kostyum narodov Permskogo kraya. Tatory i bashkiry* [Traditional Costume of the Peoples of the Perm Krai. The Tatars and Bashkirs]. St. Petersburg, Mamatov, 2017. 416 p. (In Russian)
6. Suslova S.V., Mukhamedova R.G. *Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.): Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Folk Costume of the Tatars of the Volga Region and the Urals (Mid-19th–Early 20th Centuries): Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Fen, 2000. 312 p. (In Russian)
7. Kosareva I.A. *Iskusstvo uzornogo ikachestva udmurtskogo naroda* [The Art of Pattern Weaving of the Udmurt People]. Izhevsk, 2020. 492 p. (In Russian)
8. Balitser V.N. *Narodnaya odezhda udmurtov. Materialy k etnogenezu* [Folk Clothing of the Udmurts. Materials on Ethnogenesis]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1951. 142 p. *Trudy Instituta Etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya Seriya/Akad. Nauk SSSR*, Vol. 10. (In Russian)
9. Lebedeva S.Kh. *Udmurtskaya narodnaya odezhda* [The Udmurt Folk Clothing]. Izhevsk, Udmurtiya, 2008. 208 p. (In Russian)
10. Molotova T.L. *Mariyskii kostyum* [The Mari Costume]. Yoshkar-Ola, Resp. Tsentr Narod. Tvorchestva, 2020. 384 p. (In Russian)
11. Bobrikhin A.A. The Mari folk clothing and embroidery. In: *Narodnoe iskusstvo Urala. Traditsionnyi kostyum: Sb. st.* [Folk Art of the Urals. Traditional Costume: Collection of Articles]. Yekaterinburg, Basko, 2006, pp. 79–110. (In Russian)

12. Chernykh A.V. *Traditsionnyi kostyum narodov Permskogo kraya. Udmurty* [Traditional Costume of the Peoples of the Perm Krai. The Udmurts]. St. Petersburg, Mamatov, 2020. 468 p. (In Russian)
13. Shitova S.N. Folk clothing of the Bashkirs. In: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii: Sb. st.* [Archeology and Ethnography of Bashkiria: Collection of Articles]. Vol. 3. Ufa, Bashk. Akad. Nauk, 1968, pp. 125–227. (In Russian)
14. Sepeev G.A. *Vostochnye mariitsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [The Eastern Maris. A Historical and Ethnographic Study on Material Culture (Mid-19th–Early 20th Centuries)]. Yoshkar-Ola, Marii. Kn. Izd., 1975. 247 p. (In Russian)
15. Medzhitova E.D. *Mariiskoe narodnoe iskusstvo* [Mari Folk Art]. Yoshkar-Ola, Marii. Kn. Izd., 1985. 272 p. (In Russian)
16. Yagafarova E.A. *Samarskie chuvashy (istoriko-etnograficheskie ocherki). Konets XVII – nachalo XX vv.* [The Chuvashs of the Samara Region (Historical and Ethnographic Essays. Late 17th–Early 20th Centuries)]. Samara, Povolzh'e, 1998. 369 p. (In Russian)
17. Nikolaev V.V., Ivanov–Orkov G.N., Ivanov V.P. *Chuvashskii kostyum ot drevnosti do sovremenosti* [Chuvash Costume from Antiquity to Modern Times]. Moscow, Cheboksary, Orenburg, Gazprompechat', 2002. 400 p. (In Russian)
18. Petrov I.G. Traditional shirt (kepe) of the Chuvashs of Bashkortostan: Evolution and modern use. In: *Traditsionnaya kul'tura narodov Uralo-Povolzh'ya v usloviyakh modernizatsii obshchestva: Sb. st.* [Traditional Culture of the Peoples of the Urals-Volga Region under the Conditions of Social Modernization: Collection of Articles]. Ufa, Inst. Etnol. Issled. UNTs Ross. Akad. Nauk, 2011, pp. 84–108. (In Russian)
19. Chernykh A.V., Goleva T.G., Shchukina R.I. *Mariitsy Permskogo kraya: ocherki istorii i etnografii* [The Maris of the Perm Krai: Essays on History and Ethnography]. Perm, PNTs Ross. Akad. Nauk, 2013. 530 p. (In Russian)
20. Mineeva V.A. *Chuvashskoe uzornoe tkachestvo* [Chuvash Pattern Weaving]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 2008. 182 p. (In Russian)
21. Gagen-Torn N.I. *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya: Materialy k etnogenezu* [Women's Clothing of the Peoples of the Volga Region: Materials on Ethnogenesis]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 1960. 228 p. (In Russian)
22. Lebedeva S.Kh. Udmurt weaving. In: *Uzornoe tkachestvo udmurtov (po ekspeditsionnym materialam V.N. Belitser)* [Pattern Weaving of the Udmurts (Based on V.N. Belitser's Expedition Materials)]. Sobina N.M., Yurpalov A.Yu., Zagrebin A.G. (Eds.). Izhevsk, UIIYaL Ural. Otd. Ross. Akad. Nauk, 2013, pp. 71–74. (In Russian)
23. Suslova S.V. *Tatarskii kostyum: istoriko-etnologicheskoe issledovanie* [Tatar Costume: A Historical and Ethnological Study]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2018. 239 p. (In Russian)
24. Safina F.Sh. Ethnoterritorial features of weaving. In: *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya: Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Ethnoterritorial Groups of the Tatars of the Volga Region and the Urals and Problems of Their Development: Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Dom Pechati, 2002, pp. 177–186. (In Russian)

Для цитирования: Нечвалода Е.Е. Рубахи из пестряди с элементами выборного ткачества у народов Волго-Уральского региона (история формирования традиций) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 215–229. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.215-229.

For citation: Nechvaloda E.E. Coarse motley shirts with the elements of discontinuous supplementary-weft weaving among the peoples of the Volga-Urals region (on the history of formation of the traditions). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 215–229. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.215-229. (In Russian)